
В МИРЕ ПОЭЗИИ: НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

PERSONALIA

Русский поэт из Воронежского края Игорь Лукьянов. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Несколько его стихотворных подборок было опубликовано в «Приокских зорях».

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Есть святыне на Руси святой,
На поляне в келье одинокой
Старец жил, душой своей высокой
Прост и ясен Божьей правотой.

Есть святыне на Руси святой,
Потому не погубили смуты —
Вражьи рати и свои иуды...
Есть святыне на Руси святой.

* * *

На свете счастья нет

А. С. Пушкин

От большого ума
Или сдуру —
Ищет счастья
Несчастливая грудь.
И не разум,
А кость
И натура
Пробивают в лишениях путь...

* * *

Мне бы взяться за руль —
Мотануть бы далеко-далеко,
Чтобы там ни души, ни единой,
Чтоб лишь рябь по широкой реке.
Чтоб лишь шорох осоки
Да голос кукушки родимый
Где-то рядом в прозрачном
Зеленом березняке.
Мне бы взяться за руль —
Вот такая, казалось бы, малость,
Чтобы праздник устроить
Про радость забывшей душе.
Только вот на земле
Этих мест — их почти не осталось.
Этих мест заповедных...
Послушаю мышь в гараже.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Взяли здесь, где шел я в бой,
Мои косточки в конвой
И в столицу привезли
Под оркестр зарыли.
И лежу я, всем чужой,
Под гранитною плитой
Бьется пламя надо мной,
Словно в клетке крылья.
Под звездой иль под крестом
Мне б остаться в поле том,
Где смешав огонь с землей,
Вражьи танки били.
Там шумит метель зимой,
Там пьянит июльский зной...
Санитары обошли... Писаря... забыли.

МОСКВА — 2008 г.

От порочных огней
Буржуазных услад
Остывала Москва
На осеннем рассвете.
И похмельно бледны,
Встав в безжизненный ряд,
Фонари вдоль шоссе,
Как статисты в балете.
И пока господя,
Обожравшись икры,
Ликовали во снах,
Где — и баксы, и бабы,

Беспредельно далекий
От этой игры
Скреб метлою асфальт
Полубомж — гастарбайтер.

ЭЛЕКТРИЧКА
«АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ» — 2000 год

Средь хапуг и охломонов
раскуроченной страны
Ты идешь,
Андрей Платонов —
хмуρο брови сведены.
Одухотворенных племя...
Где вы? Воин... Машинист...
На Руси худое время.
По Руси — бесовский свист.
Сцепка стареньких вагонов.
Летний вечер на земле.
Мимо вдаль —
«Андрей Платонов»
Промелькнуло в полумгле...

* * *

Глазастая, умная, теплая
У волка погибла подруга.
Судьба выключателем щелкнула —
Померкли душа и округа.
Но волку не надо жаления,
Но помощи волку не надобно
От мира, что счастлив растлением —
Визгливыми сучьими свадьбами.

* * *

Мне нечего сказать,
когда над полем жухлым,
над этой стороной —
единственной из всех,
как в пушкинских стихах,
дыша морозным духом,
седые небеса
роняют первый снег.
Снежинкам дан приказ.
Они летят, мелькая,
сквозь реющий вдали
железный грай ворон.
Мне нечего сказать,
когда душа родная
родным окружена
со всех святых сторон.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Жизнь нашу
прославляя и хуля,
просил здесь
у Всевышнего он силу.
Могильный холмик.
И обрыв — в поля,
где за сохою шел.
За ним — Россия.

* * *

Отцу, летчику-истребителю ВВС СССР

Можно спеть лебединую песню,
А потом и — «Макара» к виску.
Но хотел бы душой в поднебесье
Я упасть — на лету, на скаку.
Дай мне, Бог, этой доли частицу,
Где бы смог, свист неся на крыле,
Лишь всего в полсекунды проститься
Я со всем, что любил на земле.

ПОРТРЕТ

На меня глядят отец и мать
Из послевоенного портрета
Молодые, той стране под стать,
Что себя прославила Победой.
Я сейчас в три раза старше их,
Но под взглядом добрым и родимым
Остаюсь пред ними в этот миг
Игорьком — послевоенным сыном.
Жизнь прожил, не отводя лица
От всего, что снято и высоко...
Две звезды* на кителе отца.
Смотрит мать с девичьей поволокой...

* * *

Вот дорогу переходят гуси.
Вот рванул, кого-то обогнав.
Коль веду машину — не волнуйся.
Не хватайся нервно за рукав.
Я впишусь в любые повороты,
Скорость рассчитав один в один.
Ведь во мне с рожденья кровь пилота,
В сорок пятом бравшего Берлин.

* Имеется в виду орден Красной Звезды.

* * *

Памяти В. Кривцова

Не менял ни веры я, ни мнений —
Первый среди убитых и калек,
Перед белым храмом на колени
Упаду я — черный человек.
Выполнял я свято волю власти
В трудовом и боевом строю.
Родину спасая от напасти,
Не щадил себя и жизнь свою.
Я один из тысяч в поколениях,
Для кого жесток и труден век...
Перед белым храмом на колени
Упаду я — русский человек.

СОЛОВЕЦКИЕ ЛАЙКИ

Молчаливые мудрые лайки
Среди бедных дворов Соловков.
Их не слышал бранливого лая,
Их не видел вилянья хвостов...
Старожилы сурового края,
Где в законе и холод, и мрак...
С уважением я вспоминаю
Этих северных русских собак.

ФУТБОЛИСТ

Умер Пашка Андреев —
Городской футболист.
Из далекого детства
Слышу крики и свист.
Мяч, как голубь — под небо.
Мяч, как уж — по земле.
Пашка всаживал «банки»
Не слабей, чем Пеле.
Он играл вдохновенно
От свистка до свистка.
Рыжий парень с завода
С божьей искрой рывка.
Из далекого детства.
Слышу крики и свист...
Умер Пашка Андреев —
Мировой футболист.

ИГРА

Из далеких,
Из детских
Мне видятся пор

Наших игр про войну
И азарт, и отвага.
Там засохший репейник
И рыжий забор.
Ряд старинных сараев
По склону оврага.
И «строчил» пулемет.
И кричали «Ура!»
Сыновья Рокоссовского.
Внуки Чапая.
Детских лет золотых
Золотая игра.
Но сегодня в нее
уж никто не играет.

* * *

Где русскому не сладить со слезою,
Смешно еврею. Но я внял судьбой,
Что есть евреи с русскою душою
И русские — с жидовскою душой.

ЕСЕНИНУ

*Жаль мне себя немного
Жалко бездомных собак*

С. Есенин

Мне жаль и себя, и собак.
И нынче я выпью немного
За эту «прямую дорогу»
За русский святой кабак.
Там в юности пил на гроши.
Но нынче — иные буфеты,—
Где нет и в помине души
Той русской, тобою пропетою.
Где нет и в помине любви
Ненастного отчего края.
И бесится песня чужая
Чужой похотливой крови.

ЧАЙКОВСКИЙ, БАРКАРОЛА «ИЮНЬ»

Вот поднял он крышку пианино:
В интерьере сигаретно-винном
Зажурчала летняя вода...
Зацвели луга, взошли туманы
В зальчике пустого ресторана,
Где под зимний вечер, как всегда,
Соберутся для питья и пляски...
И уйдет отсюда тихо сказка
Невзначай зашедшая сюда...

Валерий Кулешов
(г. Щекино)

PERSONALIA

Родился в 1949 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в Советской Армии, работал слесарем, корреспондентом городской и областных газет. Автор 6 книг стихотворений: «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни» и других. Член Союза писателей России.

ЗОВ
Поэма

Отцу моему и сыну

...когда же теплая прохлада
коснется дрожью скорбных плеч,
вновь слышу недосказанную речь
из гиблой глубины седого сада.
Вновь слышу недосказанную речь,
вновь слышу голос предков наших давних,
и что-то, непрощающее, давит,
ничком на землю заставляя лечь.
И что-то, непрощающее, давит.
За всю их боль вновь чувствуя вину,
я доскажу, я песней вам верну...
Дай зоркий слух. О, Боже, дай мне.
Я доскажу, я песней вам верну
ржаную правду жизни их потухшей,
и станут беспокойны чьи-то души,
чужую боль вбирая по зерну.
И станут беспокойны чьи-то души,
но мне прощенья все ж не заслужить:
до той поры, пока придется жить,
мне боль родную — непрерывно слушать.
До той поры, пока придется жить...

* * *

Планету, где в крутом краю
врос в землю отчий дом,
в снах ясных часто узнаю,
ломаю старый стон.

СОН-I

Мне снится: темен дом, теперь
огня и в нем не жгут,
сама собой здесь ходит дверь —
иного и не ждут.

Мне снится, будто я — старик —
влачу последний путь:
свой первый в этом мире крик
предсмертным — вспать вернуть.

Мне снится, будто с большака
до края не дойти,
уводит в сторону клюка
с извечного пути.

Мне снится, будто тыщи дней
скрипит костями — окрест
пристанища святых теней —
живой, глазастый крест.

Мне снится, будто нет конца
вопросу в той версте,
и вещий ветер у лица
бедой прошелестел.

Мне снится, будто слабый звук
с земли меня низверг:
падение — без крыл, без рук,
паденье вниз, и — вверх.

Мне снится: взгляд с креста слетел
и душу мне прожег.
Под ноги — лестница из тел,
я сквозь дыру прошел.

* * *

И мне навстречу — яркий свет,
но светлый путь... куда?
Ответа — нет, предела — нет,
земля — в лицо. Удар.

ЯВЬ-I

Свою все чаще слышу кровь:
— Спешу делить беду, —
и я иду в остывший кров,
кровиночкой иду.

Редееет ближняя родня,
а те, кто нынче жив...
Все больше вижу, боль продля,
и лиц, и душ чужих.

С немногими, кто держит род,
кто свет его и дух,
чтоб влиться в кровь страны — народ,
в одной струе иду.

И кровный голос вновь велит,
суровый — испокон:
— Послушай клоч сырой земли,
где клал земной поклон.

И до меня доносит дрожь
вздых вечной тишины:
— Ты правды мертвых не поймешь,
боль не познав живых.

Я чуял: русские слова
вошли в меня. Их смысл,
я рвущей болью познавал.
И прорастала мысль:

«Боль правит каждою судьбой,
кладет для жизни след,
когда сжигает душу боль,
яснее белый свет».

* * *

Не на пустом взошла она —
на тех людских костях,
что многое простят сполна,
забвенья — не простят.

ЯВЬ-II

Пирует люто боль живых
и дома, и вокруг,
и, словно в ранах ножевых,
кипит, и чертит — круг.

И вновь на круг ложится путь,
исход ему — дыра,
и тают в ней, и в ней живут
и завтра, и вчера.

И черная дыра времен
жжет белый свет из тьмы,

пока сегодня светит он,
есть — мы.

Но в сущем огненном клубке
едино все и вся,
и в знаках рока на руке
круги миров свистят.

Я руки подношу к лицу,
и свист меня слепит:
круги в глазах, по ним к венцу
терновому — следы.

Едины все: следы, шаги
безмерный тянут ряд.
Сквозь пыль бьет свет из-под ноги,
и времена — горят.

Они свободны лишь тогда,
покуда по земле
идут горящие дотла.
Проложен путь и мне.

* * *

Очерчен круг, начертан путь,
исходный звук зовет:
вновь Слово обретает суть
всего, над чем встает.

ЯВЬ-III

Горела мертвая вода
в час пик — в раскольный час,
и пропадом я пропадаю
в последний самый раз.

Проклятьем шагу моему
плевок хлестал вослед,
(и это было наяву
со мною, не во сне...)

Махнув рукою на себя,
я песнь мою испугнул,
глухому отдала земля
в костях рожденный гул.

Я забывал отца и мать,
черта валила с ног,
я проклят был — их забывать,
я их забыть не мог.

И, словом глухоту поправ,
дорогой тяжких снов
увел меня сквозь память в пра-
прапамять — вечный зов.

Воспряли разом голоса
неведомых людей,
во всеобъемлющих глазах
себя — я разглядел.

И в ужасе немом застыл
разворошенный жар,
толкал меня обратно стыд,
но свет меня держал.

* * *

Из точки вышли все пути,
а в точку по судьбе
нам суждено один пройти
путь: от себя — к себе.

ЯВЬ-IV

Полярная болит звезда
над русской стезей,
Верховный свет ее всегда
был преломлен слезой.

Мы в смутных, знобких временах
по ней сверяли шаг,
под нею вызрела вина,
и рушилась душа.

Все — до предела. Ну, а там,
к суровой правде строг,
свет в наши души западал,
как стержень, как итог.

Пусть что-то (шелест или свист?)
шло изнутри, извне,
отныне в сумраке не вис
наш путь, а с ним — и след.

Ничто не происходит вдруг
на почве болевой,
нам вечно двигать этот круг,
незримый, огневой.

Тем шире он, чем боль больней,
и, звездам в унисон,

вглубь нераспаханных полей
родимую несем.

Нам нашей боли не избыть,
власть круга не разнять.
Ловлю в тени слепой избы
хрип бледного коня.

* * *

Надрыв, и ветер — в рукаве,
но следу не простыть:
все сущее одних кровей,
да связей непростых.

ЯВЬ-V

Бессмертен жертвенный народ,
себя ведущий — сквозь
себя, и светится исход
призывной песней звезд.

И слышу я, что позабыть
нам сроду не дано,
гвоздем нам в души свет забит,
и он звенит давно.

Казнись, пропащая душа,
сухим огнем гори,
и, песней пламенной дыша,
себя проговори.

Дух, извлеченный из луча,
да воспарит лучом,
словам душевным — прозвучать:
высоко, горячо.

На свете жить, чтоб свет пропеть,
любому на роду
начертано. Душе — гореть,
и я не пропаду.

Ничто за мной не пропадет,
другого боль пронзит,
созрев. Туда мы все идем,
куда нам совесть зрит.

Рассудят нас огонь и свет,
начало и конец.
В следах восставший горицвет
не растопчи, слепец.

* * *

Лишь зубы обломав, узнать,
восторг глотнув и грусть:
не развязать того узла,
что завязала Русь.

СОН-II

Я вижу поле: на меже
топанье темных толп,
людьми не пахнет, и уже
наметил прорву столб.

«Давно отпетым — помоги...»
Но всхлипывает топь:
пустые месят сапоги
былых хозяев плоть.

Я вижу небо: ни души
впредь не взойдет на круг,
меня, конечного, тушить
ввысь занесен каблук.

И грянул он. Под ним на спектр
рассыпав боль свою,
во мне исхода ищет свет:
я и в земле горю.

Я вижу время: от меня
оно берет отсчет,
моим огнем воспламенясь,
в конец концов течет.

Но не сойти ему на нет,
верша огневорот,
оно опять в тугом узле
меня — мне отдает.

Я вижу долю: на семи
мне полыхать ветрах.
Я поднимаюсь от земли
за совесть, не за страх.

* * *

...до той поры, пока придется жить,
страдать народной речи отголоску.
Колосьев истин горькую полоску
от века к веку жать мне... жать и жать,
колосьев истин горькую полоску
горючим потом поливать своим.
На том — стоим.

Наталья Квасникова*
(г. Москва)

Приблизительно год назад Владимир Владимирович Путин собрал писателей на обсуждение факта падения интереса к чтению. Поразил состав авторского контингента: Дарья Донцова, Александра Маринина и др. представители самого легкого жанра. Не было замечено мной ни одного сколько-нибудь серьезного поэта или прозаика, разве что беспощадный сатирик Веллер. Случай, по-моему, очень показательный. Невольно вспоминается цитата из романа Пьера Буля «Планета обезьян»: «Нами овладела мыслительная лень. Никто больше не читает: даже детективные романчики кажутся произведениями, требующими слишком большого духовного напряжения». Из состава писательской конференции напрашивается вывод, какой вид чтения у нас санкционирован сверху, иначе туда в первую очередь были бы приглашены другие авторы, к примеру, А. Д. Дементьев, Д. А. Гранин... В некотором роде, именно об этом я здесь и рассказываю.

НЕУДАЧНАЯ ПРОГУЛКА ПУШКИНА саркастическая поэма

1

В одном из современных городов,
Где все дома в панамках облаков,
Бездомных кошек много и мальчишек,
Где памятников, может быть, излишек,
С чем их периодически под снос
Пускает политический вопрос,
В канун рожденья главного поэта
История могла случиться эта.
Когда народ кого-то вознесет,
То скульпторам прибавится хлопот,
И Пушкина изваяно без счета,
Ведь он не скажет, какова работа,
А между тем душа его жива,
И Бог ей дал особые права:
Пока хранится память о поэте,
Раз в год бывать на грешном нашем свете,
Скульптуры навещать не впопыхах,—

* Наш постоянный автор, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год.

Сидящие, стоящие, в плащах,
И даже бюсты, что, в музеях хмурясь,
Завидуют своим собратьям с улиц,
Где тем и день, и ночь всегда видна
Живым фрагментом вечная страна.
В одном из переулков городских,
Среди домов почти уж нежилых,
Но все ж еще не превращенных в камни,
В забытом сквере, что зарос кустами,
Где треснула и кренится стена,
Давно стоит скамья из чугуна.
Ее — чугунный Пушкин в юных годах
С бомжами делит, — времени примета!
...Настал июнь. Шестого дня канун.
Душа поэта прянула в чугун,—
И в этот миг неловкий казус вышел...
Коты ли громче мякнули на крыше,
Иль, может быть, другой случился сбой,
Но юный Пушкин стал самим собой!

2

Активно солнце было, что ли,
Но он здоров, и бодр, и волен,
Не то, чтоб ноги затекли,
Успев отвыкнуть от земли...
Идет по улице с присвистом,
Глядит, однако, с любопытством
На то, как двадцать первый век
Явил технический разбег,
Как девушки в коротких юбках
Качают бедра, словно шлюпки...
А пирсинг! А тату! Кошмар!
Проходит Пушкин сквозь бульвар...
Обложки глянцевого журналов
Его смущают поначалу,
Но в нем проснулся эфиоп,
Поэт, слегка наморщив лоб,
Казаться хочет повзрослее,
Подходит к девушке, смеясь.
К ней обратив учтиво речь,
Он просит назначенья встреч.
От вежливости устарелой
Она слегка оторопела,
Решив,— кривляется пацан,
И за пределы дальних стран
Его отправила сквозь зубки,
Надув покрашенные губки.
Услышав современный слог,
Поэт испытывает шок,
И, чтоб отвлечься, объявление

Читает с чувством облегченья:
«При декламации стихов
Сегодня конкурс двойников
Поэта Пушкина...» Решает,—
«Пойду. В том хитрость небольшая,
Возьму, конечно, первый приз.
Какой потомков ждет сюрприз!..»
Приходит, смотрит: «Это что же?!
Они ж нисколько не похожи!
Как будет весело сейчас!»
И выступает напоказ...
Жюри всех Пушкиных сличает
С большим портретом, назначая
Дипломы, грамоты и грант,
И строки вечные звучат...
И час настал для награждений.
Ушам не верит бедный гений:
Его среди призеров нет.
Шатена — два, один брюнет
Решеньем скорым «или — или»
Три главных места поделили...
«Но я же — Пушкин! — Вы блондин! —
Не спорьте, — будь Вы даже сын!
Здесь главное — не первородство,
У нас решает дело — сходство...
Да и стихи читали Вы
Не в той манере. Что ж,— увы!»
Увидев поворот событий,
Поэт сражен... а победитель
Ему, в порыве, от щедрот,
Фломастер дарит и блокнот,
И со своим приобретеньем
Идет он прочь в оцепененьи
Вдоль самой узкой из дорог
И вдруг находит кошелек...
На том явило небо милость:
Грозой короткой разразилось,
Поэт не вымок от того,—
Макдональдс приютил его!
...А здесь, глотая бутерброды,
Заел мороженым невзгоды,—
И вдохновенные стихи
В блокнот бегут из-под руки!
То дождь, то солнце брызжут с крыши,
А Пушкин пишет, пишет, пишет,
Стремясь доказывать опять...
Но, впрочем, только б сочинять!

...Скажу, — он выспался едва ли
Средь пассажиров на вокзале,
Но знал ночевку от бомжей

С чугунной бытности своей.
Хлебнул с утра дрянного кофе,
Обсчитан был буфетным профи,
Но, не заметив, побежал
В ближайший толстый литжурнал.
«Где здесь поэзия? — А что Вам?
— Да я с Великим Русским словом...
Я Пушкин, знаете ли... — Да?»
Блокнот вручает он тогда
И слышит: «Вы с каких окраин?
Мы от руки — не принимаем,
А лишь компьютерный набор!
В бюро пройдите, через двор...»
Идет, решая не сдаваться,
А солнце шлет протуберанцы,
Чтоб дать энергию душе,
Готовой выскочить уже
В наплыве праведного гнева.
Курильщиц он обходит слева,
Глядит: на двери преискурант
На сроки, строки и талант.
Дыша сигарным перегаром,
Заждались дамы гонорара,
Следят за Пушкиным. Итог:
Открыв потертый кошелек,
Он видит ясно — есть пределы
Словам, и творчеству, и делу.
Однако, выполнен заказ
В оплаченном объеме фраз.
Торопится поэт обратно,
Уверен: дальше все понятно...
Редактор рукопись прочел,
Зевнул: «Годится только в стол.
Язык — красотей без меры.
У Савловой учитесь — Леры.
Вот века нового творец,
Вот русской речи образец!»
Поэт решил пока не спорить,
Себе сказал он: «Бедный Йорик!
Узнай же, лирики стратег,
Как совершенен новый век»
Идя в толпе, услышал фразы,
Что в шок его повергли разом,
Из уст и женщин, и детей,
От стариков и от парней...
Страдал он прежде от цензуры,
Теперь же, пуще, от природы.
Минуя множество витрин,
Заходит в книжный магазин.
Роскошно блещут переплеты
И серебром, и позолотой,

Сверканьем этим ослеплен,
Опять приободрился он,
Но в залах много книжных полок,
И поиск был бы слишком долог...
Что ж, Пушкин просит продавца
Об экземпляре образца.
Ему приносят книгу Леры.
Последних денег жаль без меры,
И кушать хочется опять.
С тоской Макдональдс поминать
Теперь поэту остается...
Обложка блещет ярче солнца,
Какой же ею скрыт секрет?
И в нетерпении поэт...
Торговую покинув давку,
Он во дворе присел на лавку,
Взволнован до потери сил,
И книгу с жадностью открыл...
Читает... мыслит — опечатка?...
Вдруг: математика — и матка?
Убогим слогом, исподволь,
Пророчит мрачную юдоль
Несчастливым школьникам заранее
Свобода слова — и свиданий...
Всем мальчикам она поет
От пьянства горестный исход,
А девочкам — заботу злую
От нежных чувств и поцелуев.
«Литература, лит-ра — ох!
Пол-литра... Пушкин изнемог,
Прочтя о том, как даме сладок
В белье случайный беспорядок.
Корявы рифмы и размер,
И пошлость — Пушкину в пример!
Поэт вскочил в негодование:
«Бумаги жаль для этой дряни!
Лишь ярк переплет на вид...
Не все то золото, что блестит!
Жива и ныне поговорка...
Да за стихи такие — порка!!!»
И, книгу в урну опустив,
Он сквозь словесный негатив,
В рекламе и толпе кричащий,
Помчался в сквер, заросший чащей...

3

Немного заблудившись по дороге,
Вернулся Пушкин, думая в тревоге:
«Боюсь, еще мне долго будут сниться
Булавками проколотые лица,

Жаргоном испещренная реклама,
И то, что пишет в книгах эта дама...
Уж лучше я опять очугуню,
Сольюсь навечно со скамьей моею.
С земною тягой сладив понемногу,
Моя душа уж не покинет Бога».
Мы чтим стихи великого поэта,
Но если б вдруг случилась сказка эта,
Так мысля я сюжет его возврата...
Коль не права, — простите, виновата.

МИГ ПРЕМЬЕРЫ

сонет-рассказ

...А крестьяне на сцене — в новинку!
Сердцем помня рылеевский сказ,
Пушкин слушает музыку Глинки,
И рокошет сусанинский бас.
В напряженном лице — ни кровинки,
Пальцы нервно пускаются в пляс.
Пушкин слушает музыку Глинки,
На помехи из зала сердясь.
Ох, и музыка! Страсть и молитва
Атакуют горячий висок,
И победой венчается битва,
Хор гремит, словно мощный поток.
Не погибнув еще в поединке,
Пушкин слушает музыку Глинки...

Владимир Сапожников
(г. Тула)

АЛЛЕЯ

Я встретил осенью тебя,
Когда листва зазолотилась,
И что-то в сердце оголилось,
Жизнь беспросветна — не любя!

Кружилась, набегала тьма,
В пустынном парке вечерело,
И мы гуляли ошалело,
Как убегали от себя...

Но от себя не убежать!
И, если сердце не остыло —
Жизнь не покажется постылой...
Тебя вновь хочется обнять!

Твое дыханье ощутить,
И, как когда-то загореться,
В наряды юности одеться —
Тебя, прекрасную, любить!

А под ногами лист шуршит,
Твои глаза луны светлее,
Мы затерялись в той аллее,
Где бродят призраки души...

ДЕПРЕССИЯ

Я не знаю, что стало со мной...
Подзастрял, загулял в депрессухе...
И не вырвусь от этой старухи,
Почти той — с деревянной косой!

Мрак затеял игру на измор,
Я, как мразь, игроман безнадежный,

Все так зыбко, бездонно тревожно,
Карта бита! Занесен топор

Над моею шальной головой,
Что вот-вот разлетится больная...
Только ты, ты одна, дорогая,
Восстановишь в ней мир и покой!

* * *

Последняя неделя без зимы...
Потом придет она, как снег, неожиданно...
И станет белизна вдруг так желанна,
И будут явью ледяные сны!

Захочется шампанского в бокал!
Захочется обнять любимых нежно,
И побрести вдвоем дорогой снежной,
Которой позабыл, когда шагал!

Захочется веселости в душе,
В сугробы, не робея, окунуться,
К губам твоим желанным прикоснуться —
В прекрасном оказаться мираже!

Последняя неделя без зимы...
И осень так обманчиво прекрасна,
Хотя погода несколько ненастна,
Но не замерзли на скамейке мы...

Татьяна Ермакова
(г. Калининград)

УТКИ

Кругом зима, а на реке — весна,
Воды все больше, плещет уток стая,
Забыв о страшных черно-белых снах —
На грани жизни, в стуже замерзая.

И видно было с высоты моста:
Вмерзали в лед пушистые комочки,
Когда людей кружила суета,
В мехах они спасали нос и мочки.

Бросали хлеб с моста, кто добрей,
Жалея тех, чей вечный храм — природа.
Согреть бы и утешить всех зверей,
Спасти их от врагов и непогоды!

Кто должен лед — для жизни — прорубить,
Чтобы дышала рыба, грелись птицы?
Друзьями им нам, видимо, не быть,
Добытки — вот человечьи лица...

Плывут, ликуют, радуются утки,
Теплу и расцветающей весне,
И неба голубые незабудки
Им нежно улыбаются в волне.

*PS. А летом утки погибали в отравленных водах одного
из городских озер...*

* * *

*Ульрике Кристелл,
художнику*

Кувшинка белая на темной глади вод —
Как нежная душа в жестоких буднях:
Нам предвещает истины восход,
Хоть этот путь — неимоверно труден.

Сквозь бездну тьмы сияет красота,
Она всех омутов и бед — сильнее,
Уносит к звездам смелая мечта,
Талант свою рождает Галатею.

Бутон раскроется — и счастьем озарит,
Хрупка и вдохновенная эта нежность,
Хотя порой — скромна она на вид,
В ней веры нашей и любви безбрежность!

Как защитить земную красоту,
Прекрасный мир — от зла и равнодушья?
Искусства луч — сжигает темноту,
Спасает души, пробуждая чувства.

Смотрю на белоснежный Ваш цветок,
И думаю — о главном и великом,
И возникает добрых чувств поток,
Воспоминаний светлых — об Ульрике.

* * *

Туман предпоследнего дня
Девятого трудного года —
Укутал поутру меня,
Как жизни самой несвобода.
В нем тонут мосты и дома,
Он белый как снег, невесомый,
Предпраздничных дел кутерьма
В лачугах царит и в хоробах.
А вечером вспыхнут огни,
Путь в будущий год освещая,
Надеждой проклюнутся в них
Живые соцветия мая.
Есть выбор во всем и всегда,
Но где же — покой и свобода?
Уносятся в вечность года
Привычных забот хороводом.
Он тянет безудержно — шлейф
Ошибок, утрат и печалей,
Звезда бесприютных полей
Мерцает о светлом начале.
Стремителен времени бег:
К концу лишь поймет, и не каждый,
Что платит сполна человек,
За счастье родиться однажды.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ВОРЧАНИЕ СТАРОГО РЕДАКТОРА

Самодетельный поэт,
Он живет в городке шахтерском.
Честный труженик, много лет
Он и вирши кропает с упорством.

За какие ж, однако, грехи
Править *мне* все, что он наколбасит?
Его жизнь украшают стихи,
Но *мою* почему-то не красят.

ДВА САПОГА

«В кабинет входить по одному!!!»
(Объявление на врачебном кабинете)

— В кабинет входить по одному!
Глупым — объясняю что к чему:
Кто вдвоем в мой кабинет зайдет,
Тот дебил! невежа!! обормот!!!

Я по жизни вовсе не дебил.
Видно, доктор накануне пил.
Раз уж этот так с утра сердит,
Я — к тому, что рядом с ним сидит...

РЕКЛАМА ДЛЯ МУЖЧИН

Тем, кто устал от жизни, им бы
Отведать надо бы *«йохимбе»*
И, чтобы прочь умчалась скука,
Принять вдобавок *«вука-вука»*.
А я, решив почистить чакры,
Съел сдуру капсулу *«виагры»*.
Супруга после голосила:
«Убийца... Изверг!.. Чикатило!!!»

Олег Севрюков
(г. Москва)

КОГДА ДУША ОБНАЖЕНА...

1

Когда душа обнажена,
Тревожно ей и зябко,
И сходна в этот миг она
С раскрытою тетрадкой,

Бери перо, но не балуй! —
Пиши, черти, царапай!
Хоть вдоль, хоть поперек штрихуй
Своей куриной лапой.

Она ни звука не издаст,
Лишь встрепетается робко,
И весь ненужный ей балласт
Вдруг вылетит как пробка

А ты омоешься слезой,
Вскрывая сердцу вены,
И с обновленною душой
Вновь встретишь перемены.

2

Красота спасет мир
Ф. М. Достоевский

В душе разлад и пустота,
Безверие и мрак —
Мир не спасает красота
В который раз никак.
Осаду правильно ведет
Лукавый кознодей,
Как будто знает наперед,
Чем можно взять людей!
Есть у него немало слуг
И каждый в деле — ас,
А, значит, тех все шире круг,
Кто душ своих не спас.

Гордыня, зависть, суета,
Уныние и страх —
И в гулком сердце маета,
Все застилает прах.
И нету сил поднять руки,
Чтоб осенить крестом
Души заблудшей уголки
И выгнать всех гуртом.

.....
О Боже, Боже! Не оставь
В последний раз меня!
Спаси, помилуй и избавь
От адского огня!..

3

*Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!*

А. Пушкин, «Бесы»

Зябнут души, стыннут души
В нашем северном краю —
Только ты мне, милый, нужен
Баю-баюшки-баю.

Белый снег струится с крыши,
Встречь ему растет сугроб,
Стук копытливый услышишь —
Значит, черти ладят гроб.

Будет скроен он по мерке,
Словно царская кровать,
Как понюшке в табакерке,
Так уютно в нем лежать!

Льет луна свой свет печальный,
Воет выюга-егоза...
Гроб качается хрустальный,
Закрываются глаза.

Сердце бьется тише, тише,
Холодеет мокрый лоб...
Вот уже дорос до крыши
Снежнобелый гриб-сугроб.

Вьется вихрем снежный пламень
Засыпая жизнь твою —
Вот и ты закован в камень,
Баю-баюшки-баю...

*Одно дело — просто тело,
А тут тело и душа*

А. Твардовский, «Василий Теркин»

Ах, душа моя — потемки,
Елки-палки, лес густой!
Подстелить бы где соломки
Да поставить на постой —

Все ты мечешься по свету
То туда, а то сюда,
Так, глядишь, и канешь в Лету
Между делом без следа.

Придержись хоть на немного
Отдышись и выбирай:
Где среди многих та дорога
Что ведет ко входу в рай?

До ворот, хотя б дойти нам!
Не дойти, так доползти
Миражей-соблазнов мимо,
Волю крепко сжав в горсти.

Ну, а ты в ответ лопочешь,
Будто дел невпроворот —
Мол, ты все изведать хочешь,
Только тело не дает!

Мол, найдешь его ты лучше
По размаху и судьбе —
Подвернулся б только случай
Соответственный тебе.

Так-то так, моя родная,
Ну, ахватишь через край? —
Знаю, в рай не принимают
Тело, душу примут в рай —

Все же ты не рви постромки,
Я пока еще живой!

.....

Ах, душа моя, потемки,
Елки-палки, лес густой...

Ирина Хомякова *
(г. Тула)

* * *

Я не прошу тебя присниться,
Ко мне во сне ты не придешь.
И снова на моих ресницах
Уснет устало теплый дождь.

Как много разного бывало
В те дни, что были мы близки...
Сейчас мне ближе одеяло,
И душу сводит от тоски:

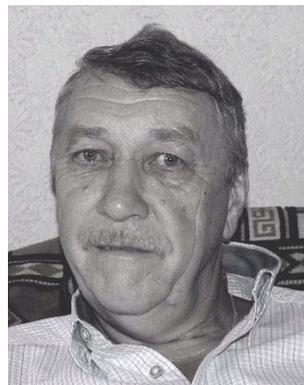
По тем словам, что говорили,
По тем минутам тишины,
По тем местам, где мы бродили
Под светом призрачным луны.

Все было, и порой ночью
Мне вспоминается твой смех...
Нас жизнь ведет своей тропой,
Но ты особеннее всех...

ΩΩΩΩΩ

* Наш постоянный автор.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

Предлагаемые стихи связаны одной темой и посвящены неизвестным героям Великой Отечественной войны. Близка мне тема войны еще и тем, что в далеком детстве я постоянно общался с друзьями и сослуживцами отца — офицерами, прошедшими трудными и страшными дорогами войны.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

триптих

*Посвящается памяти моего дяди
Соловьева Ивана Михайловича,
погибшего в городе Барановичи
22 июня 1941 года в 6 часов утра*

1

Я погиб в карауле,
На июньской заре.
Жарко чмокали пули
По сосновой коре.
Мне б в речную прохладу,
На Ветлугу, домой!
Чтоб от боли и ада
Прыгнуть вниз головой!
В роднике бы умыться,
Утром маму обнять.
Только сердцу не биться,
И меня не поднять.
Я запахан за Брестом,
В белорусской стерне.
Не найти это место,
Все сгорело в огне.
Выл, зверя, «лаптежник»*,
Пыль от смерти столбом.
В городке, как заложник,
Был оставлен мой дом.
Хриплый голос главкома
Мне команды не даст.
Лишь воронка от дома,
Все разрушил фугас.

* «Лаптежник» — так советские солдаты называли немецкий пикирующий бомбардировщик Ю-87.

Я запахан за Брестом,
Ни креста, ни звезды.
Много нас, мы безвестны
На краю борозды.
Нас засыпало плугом
Той военной страды.
И обнявши друг друга,
Мы сомкнули ряды.
Наши строгие лица
Лишь на запад глядят.
И врагу не пробиться
Сквозь застывших солдат.
Здесь ни званий, ни старших,
Вы же, память храня,
Не забудьте всех павших!
Не забудьте меня.

2

И умолкли наши трубы...
Сквозь пожарища и дым,
Молча, сжав сухие губы
Пробивались мы к своим.
Злость булатную ковали,
И, собравшись, напролом
Окружение прорвали
Мы приказом и штыком.
Но в земле, не чуя боли,
Не своей и ни чужой,
Я лежу у края поля
Под заросшею межой.
В тишине над нами крылья,
Не тревожат бедный прах.
Здесь нас Родина укрыла
Рожью в синих васильках.

3

Над могилою день общей памяти светел,
Замирают сердца, видя Вечный Огонь.
И зовет нас военного времени пепел,
Оттирает слезу ветерана ладонь.
Оживают мгновения давней атаки,
Когда вел самолет или танк на врага.
Защитил он в бою от нашествия мрака
Дом, где тихо течет под угором река.
Как бы годы ни жгли, над Землей ни летели,
Нам судьба всех погибших набатом весной.
В пепел сердца стучат метронома капли,
Звуки скорби плывут над затихшей страной!

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

По суглинку окопа
Дождь осенний бежал.
Но, не видя потопа,
Наш товарищ лежал.
Капли ровно катились
По небритой щеке,
По глазам, что закрылись,
По застывшей руке.
А в раскрытой ладони
Горсть лежала земли,
Облака, словно кони,
Исчезали вдали.
Исполняя присягу,
Свою землю держал.
До последнего шага
Горсть ее не отдал.

ИЗ РАЗВЕДКИ

Мы ушли, и по снегу липкому,
Все бинты, измотав на рану,
Пробирались. Дыхание сиплое
Говорило — пока он с нами.
Он просил и просил напиться,
А мы снег впопыхах давали.
На кустах затренькали птицы,
Он хрипел и был еще с нами.
В снег лучи ударили трассером,
Он кряхтел, уминаясь локтями.
Мы ушли от погони мастерски,
Бог удачей делился с нами.
Мы пришли и по снегу липкому
Свой окоп не сразу узнали.
Вдруг затихло дыхание сиплое,
И не стало товарища с нами.

ЗА ХАРЬКОВ!

Друзья отца собрались за столом,
А за окном сирени дымомплыли.
Налили рюмки, а одну ломтем
Ржаного хлеба горестно накрыли.
Один из них, майор и пианист,
Раскрыл окно, как будто было жарко.
Сказал: «Ребята, я ведь был танкист»,
И выдохнув, как прошептал: «За Харьков!».
Он вспоминал, как шли они вперед,
Как было страшно под огнем атаки.
И как его танкистов первый взвод

Наматывал противника на траки.
Потом он пел про верность и любовь,
И снова вспоминал родную роту.
И говорил: «Ведь танки шли сквозь кровь»,
Как будто про вчерашнюю работу.
Вот отвернулся, подошел к окну,
И китель снял, как будто было жарко.
Не говорил он больше про войну,
А, выдохнув, как прошептал: «За Харьков!».

ОТЦОВСКИЕ МЕДАЛИ

Мне отец оставил в наследство
Сапоги, плащ-палатку, кинжал,
И далекую память детства:
Наша жизнь — это путь и вокзал.
А еще — горсть советских медалей,
Тех, что Родиной был награжден,
Не забрал их с собой, а оставил,
Словно я ординарец при нем.
Сапоги мне пришлось не в пору,
Видно вырос крупнее отца,
Плащ-палатку таскаю в горы,
А кинжал сберегу до конца.
Но медали — не только тема,
Очень трепетно к ним отношусь,
Ими путь офицерский отмерян,
В каждой почесть, веселье и грусть.
В них заслуги, уменье и даты,
Серебро, и эмаль, и вожжи,
Верность слову и делу солдата,
Несмотря на жару и дожди.
Над толпою кричат демократы
Что советское время — застой.
Только знаю, что наши солдаты
Ту страну закрывали собой.
Мой отец не ложился под танки,
Верно Родине, стойко служил.
Даже если всего полбуханки
Нормой жизни нарком положил.
Для меня — все медали святы,
Как икона чисты для меня,
Потому, что отец их когда-то
Заслужил, путь солдата пройдя.
За стеклом, и с простою рамой
Серебром и эмалью блестят.
Рядом те, что из медного сплава
О солдатской судьбе говорят.
Мне отец оставил в наследство
Сапоги, плащ-палатку, кинжал,
Горсть медалей простых, советских,
Что б я память о нем не предал.

Валентина Никитина
(г. Тула)

Ранее уже публиковалась в «Приокских зорях». Заслуженный врач РФ. Работает главным врачом одной из тульских больниц. По мнению редакции, ее лирика заслуживает внимания наших читателей.

* * *

Берedit душу взгляд ясноокой,
Что ушла со мной в синий рассвет.
Лишь прищур ее глаз с поволокой
Держит память в плену много лет.

Была кроткая ты и тревожная,
И, как звезды, горели глаза;
Нас венчала трава придорожная,
Небо чистое, что образа.

Закружили ручьи белой льдинкою,
На пороге стояла весна,
И хрустальною сизой слезинкою
Мне напомнила юность она.

Годы мчались стихиею быстрою.
Заметают снега седины,
А любовь, вспыхнув первою искрою,
Так же жжет половодьем весны!

Юность шла по пятам, непокорная,
Выдавая на верность обет,
Да судьба непутевая, вздорная
Наложила на счастье запрет.

Грусть ушла в непогоду ненастную
И с другой я встречаю рассвет,
Но ту ночь безрассудную, страстную
Я в душе берегу много лет.

* * *

Душа зовет домой вернуться
Тропою юности шальной,
К родным березкам прикоснуться,
Дышать рапсодией лесной!

Березы белым полукругом
Ласкают взор души земной,
Ромашки, вспыхнув ярким лугом,
Готовы встретиться со мной.

Вишневым пологом спускаясь,
Накрыла ночь своим крылом,
Шептала, тихо улыбаясь:
«Ты помни, помни о былом...»

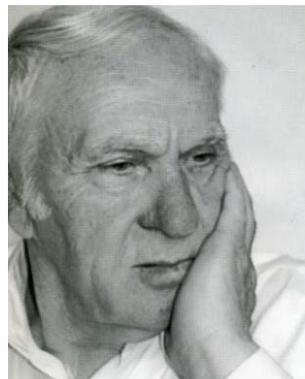
Да разве это позабудешь! —
Рассветов синь и соловья,
Когда в объятиях побудешь
Калины красной у ручья...

И под покровом дивной ночи
Целую Родины чело,
Мне слезы застилают очи,
А на душе белым бело.

Природа тихо замирала,
Светила полная луна.
Я слез своих не утирала,
Ведь я так счастлива была!

Виктор Пахомов*
(г. Тула)

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры Российской Федерации, академик, почетный гражданин города Тулы

ИЗ ТУЛЬСКИХ ХРОНИК

В нескончаемости гула
Заповедного труда
Поражает взоры Тула
Прибывающих сюда.

И тогда, зарей окрашен,
Забирает кремль всех в плен
Красотою грозных башен,
Неприступной мощью стен.

За зубчатыми стенами
Времена несутся вспять.
Встанет в яви перед нами
Вождь холопов, вор и тать.

Ни о чем он не жалеет
И слеза его скупа.
Он стоит с мечем на шее
В кремль вырывается Упа.

Дальше Шуйского посулы
И Каргопольский подвох.
Только нет вины здесь Тулы,
Как и речки, видит Бог!

Зря ли память возвращает
К дням иным, где в планах смел,
Самодержец улещает
Знатоков ружейных дел.

* К 80-летию известного современного русского поэта.

Рандеву не получалось
На упинском на ветру
Как упрямилось, кричалось,
Как не верилось Петру!

Полон воли и отваги,
Гнев упрятав на засов,
Золотую пену браги
Царь, кривясь, сдувал с усов.

На завод имел он виды,
Нетерпением горя.
Все смекающий Демидов
Принял сторону царя:

— Коль Россией поживиться
Тщатся столько в морок сей,
Ни за что нам не отбиться
Без пицалей и фузей!

И без пушек! Жизнь такая!
Что на сердце говорю!..
Мастера, галдя, икая,
Улыбаются царю.

Фыркал Петр: «Осточертела
Беспробудная страна.
Днесь впрягаемся все в дело,
Пьем за оное до дна!

Будет дело — будет милость,
Где ты, Меншиков, вперед!
Видишь, небо прояснилось!
Знак Создатель подает!..»

Нам ли Тулой не гордиться,
Не любить ее, как мать?
Оружейная столица!
Это надо понимать!

Ведь недаром с прошлым связи
В Туле свято берегут.
Шипунов, Макаров, Грязев
Здесь на память мне идут.

А за ними, а за ними
Те, чья слава впереди,
Чьи сердца стучат во имя
Не сияния с груди,

А того, что выше славы —
Труд, что с общей долей слит,
На котором мощь державы
И стояла и стоит!

РУСЬ МОЯ

Русь не знает себя. А кто знает ее?
Велика, безответна, угрюма.
То хоронит ее, налетев воронье,
То томит вековечная дума.

Все пытаются ее и берут наизлом,
Что не меньше, чем просто нелепость:
На Руси каждый дом — это Павлова дом.
Каждый погреб — что Брестская крепость!

Русь, Россия, Союз,— выдыхаю, как боль.
На душе бесприютно и горько.
Никаких мне не надо свобод, как и воля,
Вы верните мне Родину только!

За которую к старости сгорбилась мать,
И отец пал еще в сорок третьем,
За которую детям и внукам страдать,
А за что, почему, не ответим...

* * *

Ах, как черемухи цветут!
Не оттого ли воздух сладкий?
И вяжущий пчелиный гуд
Уже с утра стоит в посадке.

Все на виду и на слуху —
Торжественно и деловито!
Пронзают ветхую труху
Побеги трав из малахита.

В предчувствии спешащих гроз,
Затмивших дали без отсрочки,
Набухли почки у берез,
Вот-вот распустятся листочки!

И загудет весенний Шум,
Зеленый Шум родного края,
Не будь безмолвен и угрюм,
Родные веси озирая.

Прошедшее благодари,
Грядущее зови без страха.
Пусть ходят в небе сизари,
И ветром полнится рубаха!

ОСЕНЬ

Окоема бездонного гул,
Мелкой крупки нечаемой сев.
Ветер осени еле дохнул,
И посыпались листья с дерев.

Средь пустынных холмов и низин
Разлетались без жалоб и слез
Раскаленные кроны осин,
Золотое убранство берез.

Тонкий месяц — неожиданный пришлец
Над полями завис, нелюдим.
Лета бабьего скорый конец
Обозначил явленьем своим.

Под навесом разбухших небес
У размытых дождями дорог
Затаился растерзанный лес
И ветрами раздерганный стог.

Осень, время настало твое!
Никуда от тебя нам не деться.
И клянет нас во след воронье,
Что с собой не зовем обогреться...

* * *

Не француз, не германец, не янки
Не расслышит в «Прощанье славянки»
То, что слышимо еле и глухо
И отнюдь не для чуждого уха.
Не расслышит и не содрогнется,
Не заплачет и не отзовется.
Недоступное для иноверца
Разрывает нам каждому сердце!
Лишь омытое собственной кровью
Называется нами любовью...
Мы не хуже других и не краше,
Только долго прощание наше.
Потому и по коже мороз:
Солоны океаны от слез!
Так, прощай и забудь, что мы были!
Что так верно и страстно любили!
Что, готовясь к смертельному бою,
Мы не знали, что делать с собою...

Александр Хадарцев
(г. Тула)

АРТИСТ

У артиста сердце прихватило...
Придавило, скрючило — не вдруг?
Значит, это сердце не остыло
и кричит, как самый лучший друг:

«Тормозни! Уйди от этой спешки,
гонки за несбыточной мечтой,
где успех — дитя орла и решки...
Ты — боли, но никогда не стой!»

У артиста сердце заболело!
Виноват не остеохондроз.
Он, конечно, есть. Не в этом дело!
Почему внезапно? Вот вопрос!

Есть стенокардия ожиданий —
от боязни в жизни опоздать,
от неотвратимости желаний
и от нежеланья подождать.

У артиста сердце заболело!
Но оно в сверхчувствии — стучит!
Значит, в ощущениях — преуспело!
Плохо, если сердце — не болит!

БЛАГОДАРЕН ТЕБЕ

Благодарен тебе за дожди и туман!
И за горечь осенних дымов благодарен!
И за то, что, когда был от нежности пьян —
падал в тело твое, откровенно нахален!

Благодарен тебе за хрустящий снежок,
припорошивший прошлых ночей неизбывность!
За последний в хрустящую снежность прыжок
и за ищущих глаз показную наивность!

Благодарен тебе за журчанье ручьев!
За расквашенный снег на весенней дороге!

За грачиный в апрельскую будущность зов!
За мимозную желтость цветка-недотроги!

Благодарен тебе за кипенье жары!
И за знойность дыханья песчаной пустыни!
И за близкую дальность зеленой горы!
И за то, что меж нами живет и не стынет!

И дожди, и туман, и хрустящий снежок,
и журчанье ручьев, и жары закипанье —
это просто немеренной нежности срок
в ожиданье судьбы исполненья желанья.

В ГОД ДРАКОНА

Вновь наступает год Дракона
через двенадцать смутных лет.
Все тот же Кремль и та же зона,
доверия к ним — так же нет!
Противоречат слово с делом,
опять народ на площадях,
пророки предвещают крах
Земле — грядущим беспределом!
Хоть на экранах те же лица —
обезлужковела столица...
Грозится новым переделом
младобанкирский Куршавель,
в борьбе за власть почуяв цель.

Мы, как и прежде, верим в чудо:
в решений справедливых миг,
хоть не возникнут ниоткуда
ни денег звон, ни легкий стих.
Пускай хрустальность и шампанность
восславят наступивший год!
Надежда — нас не подведет,
а счастье будет нам, как данность!
Пускай уверенность в друзьях
взвывает свой победный стяг!
Пускай исполнится желанность
в предновогодии хлопот
двенадцатый отметить год!

Тысячелетье третье мчится
в неясность, так же, как всегда.
Так пусть драконий год случится,
чтобы судьба сказала: «Да!»
Мы ждем от жизни всепрощенья,
любви, здоровья, знаний вспых!
Прочтенья старых, лучших книг,
и новой жизнью восхищенья!

От предков до потомков нить
сквозь наши дни придется вить,
и вместе принимать решенья!
Пусть доброта и чистый снег
приносят сказочный успех!

ДВАЖДЫ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

Когда всего-то дважды тридцать пять,
приходит мудрость жизненных реалий,
в давно прошедшем пляски вакханалий,
но хочется по-прежнему считать,
что мы на пир судьбы не опоздали!

Не зря настали дважды тридцать пять!
Они — как точка нового отсчета,
а следом — жизнь без плана, без расчета,
но с радостью — друг друга повстречать,
не требуя за прошлое отчета!

Когда случились дважды тридцать пять,
в мышление — наступает эксклюзивность,
в поступках сохраняется наивность,
как в юности, желается мечтать,
и проявлять во всех делах активность!

Пусть будут с нами в дважды тридцать пять:
способность пониманья и прощенья,
уменье — не откладывать решенья,
возможность — чувств и мыслей не скрывать,
всем телом ощущая вдохновенье!

М. В. Г.

Вступая в возраст аксакала — пусть не уходит юность вспять!
Пора счастливая настала, когда десятков — только пять!
Для промежуточных итогов дается дата — пятьдесят.
И вроде прожито — немного, но мудростью глаза горят.

В нем спорт, и бизнес, и наука — оставили надежный след.
Он сходится с людьми — без звука, он — из породы непосед!
Ему всего по жизни — мало, он — элегантный жизнелюб!
Не факт что молодость — отстала, и он не жаждет женских губ!

Есть время выправить ошибки, доделать то, что быть должно!
Шагать вперед не очень быстро, но быть ведущим все равно!
Для совершенства — нет предела! Учиться и других учить —
процесс единый. Ради дела — о сне приходится забыть.

Быть ректором — совсем не просто! Им стать — десяток нужен лет!
Тут не поможешь громким тостом и орденами на портрет.

Мы все под властью Провиденья, зависимы от вышних сил.
Пускай ему благословенье пошлет архангел Михаил!

Неисчерпаемость здоровья пусть прибывает каждый год!
Пускай не будет малокровья в чреде хозяйственных забот!
Пусть прирастает обаянье! Ему семья — и тыл, и штаб.
Доходы, степени и званья — пускай растут, как баобаб!

За юбилейность аксакала! Хоть в Туле временно не пьют,
но мы поднимем по бокалу — того, чего туда нальют!
За тех, кто вырастил мужчину во славу жизни — без конца!
Чьи приснопамятны седины! За них! За маму и отца!

ПОЭТ И КНИГОПРОДАВЕЦ

Я не умею продавать стихи.
И торговать собой — не научился.
В них есть мечты, надежды и грехи —
все то, чего за много лет добился.

Мои стихи, конечно, не товар,
пусть даже в нашем скаредном сегодня,
где есть желанье получить навар,
достойное кипенья в преисподней.

Я подарю друзьям свои стихи!
Ведь лучше чувств — подарка не бывает.
А в коконах словесной шелухи
взаимосчастья зерна вызревают.

А кто торгует словом на развес,
тот — продавец, достойный сожаленья!
Его ведет по крутояру бес
на самый край без чуда приземленья...

Нет, не копеек жалко, не рублей,
а только тех, кто продает святое!
Тому не будет счастья в юбилей
и не дожидаться в будущем покоя!

Пусть покупает тот, кто продает:
барыга, перекупщик на развале...
Но автор о друзьях — друзьям поет!
Ждет, чтоб они, как он их — понимали.

Да! Рифмоплет, конечно, не поэт!
И не о нем писать по жизни повесть...
Пускай наложит на «товар» запрет
Потребнадзор с названьем емким — совесть!

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Пантюхин Олег Викторович — член Союза писателей России, член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», директор издательства Тульского государственного университета

Замечает февраль все дороги.
Душу ветром продуло насквозь.
Прибавляется день понемногу,
И слабеет февральский мороз.

Утро снова уводит из дома,
Где тепло моего очага.
Город. Лица людей незнакомых.
И привычная всем суета.

Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно греть негасимым огнем.

* * *

За окном бело от снега,
Просыпается душа.
Хоть немного дайте света,
Чтобы жить ей и дышать,
Чтобы чувствовать рассветы,
И закаты провожать,
Чтоб любить ей в мире этом
Над Землей парить, летать...

